

оригинальная статья

УДК 81'22:119

Юридический дискурс как многомерный интегративный феномен и юрислингвистика как синкретическая наука

Александр Леонидович Дединкин

Витебский филиал Международного университета «МИТСО», Республика Беларусь, г. Витебск

alexanderdedinkin@yandex.by

Поступила в редакцию 19.02.2021. Принята к печати 29.03.2021.

Аннотация: Дискурс рассматривается как сложное коммуникативно-деятельностное явление, в рамках которого выделяется юридический дискурс со специфическими характеристиками. Он показан как интегративный феномен, требующий активного участия ряда наук, прежде всего, юриспруденции и лингвистики. Цель – установить составляющие части данного дискурса, включающего в себя не только тексты законов и научной литературы на юридические темы, других правовых документов, но и целый ряд других текстов; а также предложить юрислингвистику как обобщающую дисциплину для исследования взаимодействия языка и права. В ходе анализа было установлено, что четкую грань между юридическим и другими типами дискурса провести сложно. Для юридического (правового) дискурса характерны унифицированные субъекты, процедуры, обстоятельства и т. д., обезличенность, т. е. отсутствие указаний на адресата и адресанта, обилие безличных глагольных форм и безличных конструкций. Правовые тексты в большинстве своем лишены национальной маркированности, а лексика имеет эквиваленты в других языках. В статье впервые был обозначен набор текстов, из совокупности которых состоит юридический дискурс – это тексты законов, указов, научной литературы на юридические темы, другие правовые документы, судебные тексты, тексты допросов, адвокатские речи, экспертные заключения и другие аналогичные тексты. И хотя у юридического дискурса и юридической лингвистики – разные предметы и задачи исследования, но объект один – взаимодействие языка и права, что и позволяет их объединить. Юрислингвистика – это интегративная наука, сложившаяся при взаимодействии усилий и интересов лингвистики и теории права, но при этом в ней широко используются научные достижения целого ряда наук – философии, психологии, социологии, этики, лингвокогнитологии, прагмалингвистики, лингвоконфликтологии и др.

Ключевые слова: интегративность, правовая коммуникация, лингвистическая экспертиза, правовое речеведение, юридический язык

Цитирование: Дединкин А. Л. Юридический дискурс как многомерный интегративный феномен и юрислингвистика как синкретическая наука // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 1. С. 220–228. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-220-228>

Введение

Дискурс – сложное коммуникативно-деятельностное явление, словами Н. Д. Арутюновой, это «текст, погруженный в жизнь» [1, с. 3], поэтому, кроме самого текста, дискурс включает в себя не только автора, творящего данный текст, но и ситуацию общения (время, место, условия), и воспринимающего – его опыт, установки и ценности. Сам дискурс изначально интегративен, что доказывается фактом создания его теории специалистами различных областей знания: Э. Бенвенист (лингвист), Режи́н Робен (историк), Д. Гоулднер (политик и социолог), М. Фуко (философ), А.-Ж. Греймас (семиотик) и др. Сейчас вместе с лингвистами исследованием дискурса занимаются политологи, социологи, психологи, специалисты по идеологии, этнографы, семиотики, философы, юристы. Работая с таким объектом, как дискурс, мы понимаем, что исполнилась мечта Э. Сепира о преодолении главного подхода XX в. – системно-структурного языкознания: «Остается лишь надеяться, что лингвистика осознает важность своего

предмета изучения для общего развития наших знаний о мире и не останется в стороне, прикрывшись традицией, которая рискует стать схоластической, если ее не оживить обращением к областям, лежащим за пределами формального изучения собственно языка» [2, с. 74]. Он написал эти слова еще в первой трети XX в., но только сейчас лингвисты осознали возможности своей науки, которая стала методологической для значительного числа гуманитарных областей знания [3].

В XXI в. лингвистика стала телеономной. Под телеономностью мы понимаем такую методологию гуманитарного знания, в которой присутствует целесообразность, каузативность, т. е. полученные знания способны создать некую причинно-объяснительную конструкцию, а не просто фиксировать и анализировать отдельные факты языка, даже такие сложные, как, например, модальность, видо-временные формы глагола и т. д. Чтобы получить причинно-объяснительную конструкцию, нужны коллективные

действия различных специалистов, потому что причины того или иного языкового явления могут корениться в области интересов других наук, например, ответ на причины молчания в диалоге находим в философии у М. Бубера. Поэтому без междисциплинарного осмысления почти любой сложной проблемы обойтись невозможно. Нужна интеграция результатов исследования одних и тех же проблем разными науками, что позволит решить многие теоретические и практические задачи.

Оказалось, что именно в юриспруденции работы для широко мыслящих лингвистов – непочатый край. И хотя у юридического дискурса и юридической лингвистики (с ее составляющими – лингвоэкспертологией, правовым речеведением и др.) – разные предметы и задачи исследования, но объект один – область взаимодействия языка и права, что и позволяет их объединить в одном исследовании. Более того, речь в статье идет о консолидации результатов разных наук, а здесь, по большому счету, разные области знания об одном – о роли языка в оформлении и функционировании правовых текстов (в широком смысле).

Цель статьи – установить составляющие части данного дискурса, включающего в себя не только тексты законов и научной литературы на юридические темы, другие правовые документы, но и судебные тексты, тексты допросов, адвокатские речи, экспертные заключения и другие аналогичные тексты. Сопутствующие задачи: показать, что юридический дискурс есть сложный многомерный феномен, требующий для своего исследования подключения разных наук – от теории права и лингвистики до психологии, философии, социологии и ряда других наук; предложить юрислингвистику как обобщающую дисциплину для исследования взаимодействия языка и права.

Методы и материалы. Приоритетными методами исследования явились дискурсивные методы и приемы анализа юридического текста; традиционные общенаучные методы – наблюдение, описание и теоретическое осмысление материала. В работе используются описательный метод, проводится системная интерпретация фактологического материала. Материалом явилась совокупность текстов правовой жизни в Республике Беларусь.

Юридический дискурс: понятие и характеристики

Юридический дискурс – это связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, т. е. текст в событийном аспекте в его совокупности и взаимодействии с нормами права.

Поскольку юридический дискурс – сложное и многомерное явление, он может быть исследован, прежде всего, с интегративных позиций. Во-первых, юридический дискурс следует анализировать с точки зрения психологии и коммуникативной лингвистики как коммуникативно-деятельностное явление [4; 5]. Это один из наиболее популярных и продуктивных в современной науке подходов,

основоположником которого, наряду с А. Н. Леонтьевым, А. Р. Лурия и др., стал Е. В. Сидоров – он считает, что в результате языковой действительности человека возникают вербальные тексты, требующие своего осмысления и понимания [6, с. 6]. Поэтому в анализ нужно включать имеющуюся в тексте информацию адресата: он соотносит описываемое с реальным или ментальным миром, устанавливает функциональную перспективу (тему высказывания, т. е. то, о чем говорится, и рему – то, что говорится о теме) и т. д. При этом неминуемы собственное видение описанного и собственные оценки. Следовательно, при анализе юридического дискурса важнейшим является интерпретирующий подход.

Во-вторых, сам юридический дискурс, являясь многомерным и многогранным явлением, есть интегративный феномен. Фактически – это совокупность текстов, в которых отражаются нормы и правила проживания и поведения в обществе. Современные исследователи (например, Д. Н. Шлепнев) выделяют первично прескриптивные (законы, распоряжения, договоры), смешанные тексты, в большинстве своем дескриптивные, но в них есть и прескриптивные элементы (иски, заявления), и дескриптивные (учебная литература) [7]. Это функциональный подход, но мы применяем и чисто системно-структурный анализ, используемый для классификации текстов, составляющих юридический дискурс – тексты указов, законов, судебных лингвистических экспертиз, научные тексты на юридические темы и т. д.

К сегодняшнему дню существует целый ряд работ по интересующей нас проблеме, например, работы М. Фуко, И. В. Плашевской и др., защищено довольно много диссертаций – Т. В. Дубровской, Л. В. Колесниковой, Ю. В. Косоноговой, Е. И. Крапивкиной, А. А. Мирошниченко, Л. Е. Поповой и др.

Анализ существующей литературы позволил нам так охарактеризовать данный тип дискурса. Юридический дискурс, как и дискурс другого типа, нельзя отождествлять с фразой, языком, текстом, высказыванием, хотя все названные понятия тесно взаимосвязаны. Если дискурс вообще социально и культурно-исторически обусловлен, то в обусловленности юридического дискурса отсутствует культурная составляющая. Он обусловлен законами государства, а не конкретного народа, входящего в это государство. Это язык (текст) в действии, включающий в себя экстралингвистические факторы, отсюда его процессуальность, на первый план выступают признаки дискурса как процесса, а также интеракциональность – его обусловленность социальной ситуацией. Поэтому можно говорить о влиянии на юридический дискурс не только внутренних, но и внешних факторов, определяющих назначение, основные мысли и смысловую нагрузку самого текста как формы представления дискурса.

Важнейшей функцией юридического дискурса является установление и поддержание стабильных отношений в социуме через законы и нормы, выработанные в обществе [8; 9].

К юридическому дискурсу можно отнести все речевые высказывания, которые связаны с юриспруденцией [10]. Четкую грань между юридическим и другими типами дискурса провести сложно. Например, бытовой разговор на юридические темы имеет целый ряд признаков и бытового, и юридического дискурсов. Следовательно, юридический дискурс связан с другими дискурсами.

Отдельные юридические (в широком понимании) тексты – это письменное представление и эмпирическая база для описания юридического дискурса.

Для юридического (правового) дискурса характерны унифицированные субъекты, процедуры, обстоятельства и т. д. Схожесть основных категорий обуславливает тот факт, что правовые тексты в большинстве своем лишены национальной маркированности, а лексика имеет эквиваленты в других языках. Одной из характерных черт юридического текста является его обезличенность, т. е. отсутствие указаний на адресата и адресанта (на структурно-морфологическом и синтаксическом уровнях, о чем свидетельствуют безличные глагольные формы, безличные и пассивные конструкции, чрезвычайно сложная структура предложений). При этом правовой дискурс не имеет резко очерченных границ: многие его характерные черты являются либо универсальными для многих видов, либо встречаются хотя бы в двух типах. В юридических текстах должно обязательно содержаться указание на необходимость выполнения определенных действий или, наоборот, запрещение каких-то действий, а сама иллокуция в юридическом тексте имеет статус правовой нормы, обязательной для исполнения.

Все юридические тексты направлены на адресата (общество), в них указаны формы и нормы поведения, предписываемые личности и обществу в целом. Юридический текст – это коммуникативное событие, происходящее между государством и народом, обществом (как в дискурсе власти), а не говорящим и слушающим, как в других видах дискурса. Поэтому в юридическом дискурсе часто содержится прямой приказ, выраженный с помощью императива, а сами высказывания, как и полный текст, относятся к побудительным. При всей динамичности и процессуальности дискурса вообще юридический дискурс отличается консервативностью, т. к. законы опираются на длительные традиции, обычаи, стереотипное коммуникативное поведение. Поскольку адресант – государство (люди, создающие законы), то само тело текста (текст как таковой) имеет гораздо большее значение в триаде *автор (адресант) – текст – адресат (член общества)*. Юридический текст не может быть истолкован свободно и индивидуально-личностно, как текст в художественном дискурсе, потому что законодательные акты, нормы и правила, сформулированные в законах и предписаниях юридического дискурса, не могут толковаться многозначно, иначе бы это привело к развалу государства и общества.

Несмотря на консервативность в юридическом дискурсе действуют те же законы, что и в любом другом дискурсе: его нужно воспринимать и истолковывать в определенном

временном, пространственном и прочих контекстах. Это коммуникативное действие может быть речевым или письменным, иметь вербальные и невербальные составляющие. Но конкретная ситуация, в которой функционирует юридический дискурс, накладывает отпечаток на поведение обеих сторон. Например, в ситуации конкретного суда аргументация прокурора или адвоката может в определенной степени повлиять на решение суда, хотя законы, на основании которых выносятся приговоры, неизменны.

Функции юридического дискурса тоже отличаются: если иным видам присуща многофункциональность, то юридическому – суггестивная (информационно-воздействующая) функция.

Существует много научных текстов, которые также можно отнести к юридическому дискурсу. Например, научные тексты о жанрах юридического дискурса – жанр допроса, жанр обвинительного заключения, жанр адвокатской речи, жанр судебных прений и др.

Много работ посвящено правовым идеологемам, под которыми ученые понимают «совокупность лексических и грамматических средств, которые объединены определенным юридическим мировоззрением и целевой установкой на передачу и хранение правовой информации» [11, с. 78]. Т. В. Губаева выделяет четыре разновидности правовой идеологемы: словоупотребление в процессах общения законодателя с гражданами посредством правовых установлений (слово в правотворчестве); словоупотребление в процессах общения специалистов при объяснении и обосновании правовых норм (слово в юридической науке); словоупотребление в процессах массового общения с целью правового воспитания личности (слово в правовоспитательном процессе); словоупотребление в ходе реализации права – в процессах использования, соблюдения и применения правовых норм (слово в юридической практике) [11, с. 78–79]. Данный подход чрезвычайно важен для исследования юридического дискурса, т. к. кроме юридических аспектов охватывает и ряд языковых проблем. А мы знаем, что через язык право воздействует на сознание людей, способствует тому, чтобы они вели себя должным образом, предписываемым законом, поэтому норма правового документа обязательна для исполнения.

Выявление критериев и важнейших категорий юридического дискурса плохо разработано на сегодняшний день. Часто классификации, созданные разными авторами, не просто различаются, но противоречат друг другу. Изучив соответствующую литературу, мы склонны выделять следующие категории-характеристики данного дискурса: чаще всего юридические тексты выражены в письменной форме; имеют ясную структурную оформленность, т. е. довольно четкое деление текстов на отдельные статьи, в форме которых оформляются законы; они имеют смысловую завершенность, логичность и последовательность изложения, тематическое и стилистическое единство. При этом тематика юридического дискурса довольно

ограничена: государство, право, преступление, наказание, вина, ответственность, судимость, экстремизм и др.

Вследствие того, что тексты юридического дискурса хорошо формализованы, в них много стереотипных, стандартных формулировок, клише при изложении юридических документов. С точки зрения стиля, для этих текстов характерен официальный характер написанного.

Характеристика языка требует особого рассмотрения, что будет сделано далее. Но особо нужно отметить абстрактность категорий юридического языка и их системность.

Таким образом, юридический дискурс обладает следующими характеристиками: 1) консервативность, т. е. относительная стабильность юридического дискурса; 2) преимущественно письменная форма, абстрактность и нейтральность языка, а с другой стороны, конкретность, свидетельствующая о том, что юридический дискурс существует в реальном правовом пространстве и времени; 3) системность – все элементы юридического дискурса объединены в систему, которой присуще тематическое и стилистическое единство; 4) смысловая завершенность, логичность и последовательность изложения; 5) целостность – юридический дискурс воспринимается как единое целое.

Специфика языка юридического дискурса

Поскольку содержание юридического дискурса, учитывая его чрезвычайную важность, исключает любую двусмысленность, в языке дискурса должны быть по возможности исключены многозначные слова. В большинстве работ он рассматривается как средство реализации закона, поэтому он может рассматриваться как средство оценки правонарушения, и одновременно является субъектом преступной деятельности (о «преступных действиях языка» еще в конце 1980-х гг. прошлого века писала Н. Д. Арутюнова [12, с. 3]).

Одним из ключевых типов отношений, связывающих лингвистику и юриспруденцию, является то, что «язык выступает как объект правового регулирования» [13, с. 31; 14] и исследуется в этой связи в рамках правовых аспектов коммуникации.

В работах современных юрислингвистов к специфическим особенностям языка юридического дискурса относятся нейтральность стиля изложения, выражающаяся в отсутствии экспрессивных языковых средств, оценочности, эмоциональности, и обилие терминов в лексическом составе документов [15; 16]. Следовательно, язык юридического дискурса ориентирован на логическое восприятие.

Лексические единицы, используемые в юридическом дискурсе, обычно употребляются в своих прямых значениях; слова, имеющие оценочные, эмоциональные, экспрессивные значения (коннотации), не употребляются. Стилистически окрашенные, устаревшие, многозначные слова и выражения, образные сравнения, эпитеты, метафоры

практически не используются в юридическом дискурсе, поэтому стиль изложения получается спокойным и сухим. Даже если описываются самые страшные преступления, они должны быть представлены в нейтральном стиле.

Значения слов при употреблении в юридическом дискурсе могут расширяться или сужаться по сравнению со значениями слов в обычных словарях языка. В языке юридического дискурса пассивные формы глаголов преобладают над активными, отсутствуют слова в переносном значении, разговорная и жаргонная лексика и т. д. Абстрактные лексемы обладают большой зоной вариативности (*достаточный, исключительный случай, надлежащее, иной, определенный*).

Из-за синтаксически сложного построения предложения юридического дискурса, избежать которого невозможно, предложения могут быть поняты неоднозначно. Для того чтобы такое случалось как можно реже, сознательно вводится достаточно простой синтаксис: например, в предложениях определение должно быть рядом или очень близко к определяемому слову. Рассмотрим пример из Гражданского Кодекса Республики Беларусь, размещенного на Национальном правовом Интернет-портале РБ, в котором подчеркнули рядом стоящие определения с определяемым словом: *Гражданское законодательство – система нормативных правовых актов, которая включает в себя нормы гражданского права*¹. При этом определение в правовом дискурсе часто сливается с определяемым словом, образуя с ним термин: *гражданское законодательство* и др. Такая структура предложений в купе с обилием терминов делает минимальной смысловую неопределенность.

Особое значение при анализе языка юридического дискурса должно уделяться терминологии, поскольку юридическая терминология образует идейно-смысловой центр юридического дискурса. Это достаточно интересный исследовательский материал, он имеет ряд особенностей, многие из них уже описаны [17].

Поскольку накопление информации в любой науке не останавливается, а находится в стадии развития, пополнения, то динамично развивается и ее терминологический аппарат. Так и в юрислингвистике постоянно образуются новые термины. Например, в следующей фразе почти все слова терминологичны: *Наказание является принудительной мерой уголовно-правового воздействия, применяемой по приговору суда к лицу, осужденному за преступление, и заключающейся в предусмотренных законом лишении или ограничении прав и свобод осужденного*². Слова обиходного языка становятся здесь терминами: *наказание, принудительная мера, уголовно-правовое воздействие, приговор, лишение прав и свобод, осужденный* и др.

Как известно, особую строгость языку придает терминология. Термин – это языковой знак более высокого уровня абстракции, чем обычное слово или словосочетание.

¹ Гражданский Кодекс Республики Беларусь от 07.12.1998 № 218-З. Принят Палатой представителей 28.10.1998. Одобрен Советом Республики 19. 11.1998.

² Там же. Ст. 47.

Термин относится к специальной лексике; он выражает понятие в определенной области знания. Как видно из приведенного нами примера, на обычное слово *наказание* наслаивается дополнительное специальное значение – *мера воздействия за преступление*. Это слово превращается в термин, знак второго порядка, в котором исходное слово перекодируется, превращаясь в метаязыковой знак. Аналогичным способом слова перекодируются и при трансфере их в другие области науки. Если, например, В. З. Демьянков называет этот процесс трансферизацией, то А. В. Суперанская – транстерминологизацией. Слово *транс-* обозначает движение через какое-то пространство, пересечение его. А само слово *трансфер* в переводе с французского означает *переносить, переводить*. В данном случае – это движение обиходного языка в язык юриспруденции, а может быть еще переход из одного научного пространства в другие. В юридической терминологии трансфер терминов – достаточно частотное явление.

Лингвистам хорошо известно, что существует различие между словом в словаре и в сфере его функционирования. *Мягкий* – о погоде, о воде, о характере (кроткий), замечание в мягкой форме, не очень строгий (о приговоре) и т. д. Как видим, данная лексема может быть использована и в юридическом языке, но при этом ее значение ограничивается, т. к. функционирует только одно из значений лексемы – *нестрогий*. Для юридических терминов сфера фиксации – это не только юридические словари, но и тексты законодательных актов. Например, глагол *укрыть* по словарю имеет позитивное созначение *спрятать, зашитить*, а юридический термин *укрывательство* – это общественно опасная деятельность. В юридическом дискурсе много терминов из общелитературного языка: *неосторожность, вина* и т. д. С ними при проведении экспертизы нужно быть особенно осторожными. Необходимо также учитывать лингвистическое несовершенство нашего законодательства.

В большинстве своем юридические термины являются составными и включают в себя оценочные компоненты, но при этом сохраняют нейтральность в значениях: *отягощающие обстоятельства, множественность преступления, насильственные действия* и др. Большинство юридических терминов (как и терминов других наук) имеют одно значение, но встречаются и многозначные термины: *лицензия* – 1) *выдаваемое специально уполномоченным органом государственного управления или местного самоуправления разрешение на осуществление видов деятельности, которые в соответствии с действующим законодательством подлежат лицензированию*; 2) *разрешение на использование изобретения промышленного образца, полезной модели или другого технического достижения, представляемое на основании лицензионного договора либо судебного или административного решения компетентного государственного органа* [18, с. 42].

Юридическая терминосистема находится в постоянной динамике, потому что она, как и терминосистема

любой науки, стремится к более точному обозначению юридических понятий, к избавлению от многозначности. В этом отношении очень активны словообразовательные процессы: так, от слова *наказание* образуется целая цепочка терминов: *наказуемость, наказуемый*; многие цепочки терминов отличает труднопроизносимость, т. е. фонетическое неблагозвучие: *правоспособность, правоприменение, правопримлемость* и др. Это один из крупных недостатков именно юридической терминологии, в которой в одном термине может быть несколько приставок или суффиксов одновременно: *довзыскание* (две приставки *до-* и *вз-*). Часто в юридической и юрислингвистической терминологии встречаются составные термины, содержащие сравнение, оценку – *более мягкий вид наказания* и др. А мы знаем, что это недопустимо в терминологической системе науки. Таким образом, можно говорить о несовершенстве не только юрислингвистической, но и юридической терминологии.

Юрислингвистика как наука о взаимодействии языка и права

Поскольку образовался особый объект исследования, особая область интереса лингвистов, стали говорить о формировании самостоятельной науки – юрислингвистики, которая возникла в результате сложного взаимодействия юридического и лингвистического аспектов [19–21]. Однако юрислингвистика не ограничилась областью знаний языкознания и правоведения, а включила в себя ряд сведений из других наук – психологии, социологии, философии и др., потому что не хватало собственной теоретической базы для решения ряда прикладных задач.

В современной юрислингвистике можно выделить несколько основных направлений:

- 1) исследование специального юридического дискурса и юридического языка (язык как инструментальный законотворчества и толкования правовых актов – юридико-лингвистическая герменевтика);
- 2) судебное (правовое) речеведение;
- 3) лингвоэкспертология (судебно-лингвистическая, лингвоправовая экспертиза), тексты оцениваются (в широком смысле) на предмет наличия в них преступления, совершаемого вербальным способом, например, угрозы, оскорбления и др.;
- 4) правовая коммуникация.

Рассмотрим более подробно те из них, которые представляют интерес для нашего исследования – правовую коммуникацию и лингвоэкспертологию.

Правовая коммуникация в широком смысле имеет ряд отличий от других типов коммуникации, важнейшим из которых является то, что главное в ней – не заражение эмоциями или передача информации – знаний о реальности, о мире идей, а исключительно регуляция правовых отношений между государством и личностью: предписания и запреты с точки зрения их соответствия юридическим

нормам. Еще одно отличие: правовая коммуникация в широком смысле не ограничена тематикой, социальным статусом участников, каналом общения и т. д., ибо практически любой текст может стать объектом правового контроля. Для узкого понимания правовой коммуникации характерно то, что она реализуется на уровне правых институтов, т. е. включает в себя юридические тексты, а ее субъекты – участники различных процессуальных правовых практик (судебного разбирательства, досудебного следствия, правовых договорных отношений и т. д.). По этому поводу А. В. Поляков пишет, что «в результате определенной "химической реакции" – при возникновении правовой коммуникации – возникает право» [16, с. 36]. На этом основании правовую коммуникацию нельзя ставить в один ряд, например, с научной или религиозной коммуникацией. Она может охватывать любой корпус текстов, порождаемых и воспринимаемых человеком, независимо от уровня его воспитания, моральных принципов, религиозных и политических убеждений и т. д. Главная идея правовой формы коммуникации – соблюдение в ее процессе реализации закона. Правовая коммуникация способна помочь в самоорганизации и сохранении единства общества.

Ситуация, в которой проходит правовая коммуникация, сходна с ситуациями других типов общения, потому что ее составляющими становятся не только адресат и адресант, но и сам текст, а также объект и предмет обсуждения, обстоятельства, цели и задачи, результат. Кроме того, некоторые исследователи, например Н. Д. Голев, полагают, что вопросы, связанные с регулированием социально-языковых вопросов (проблемы государственного языка, защиты родного языка малых этнических групп и т. д.), входят в компетенцию юрислингвистики [21].

Еще одно важное направление в рамках правового дискурса – лингвоэкспертология. Это прикладная дисциплина, обеспечивающая проведение специальных экспертных исследований текста с целью выявления в нем признаков правонарушения. На практике судебные органы обращаются к лингвистам, чтобы подготовить юрислингвистические экспертные заключения на предмет выявления в них вербальных преступлений – оскорбления, клеветы, призывов к экстремистской деятельности и др.

Здесь предметом исследования является любой текст – от анализа статей серьезных государственных документов до бытового письма-жалобы или объяснения своего поступка, надписи на стене автобусной остановки. При лингвистической экспертизе анализу подвергается текст в широком смысле не только по его содержанию, но и форме; это могут быть устные или письменные тексты, вербальные тексты с графическими вставками и т. д. Следовательно, для осуществления лингвоправовой экспертизы берется текст в широком его понимании (устный, письменный, креализованный, рисунок, граффити и т. д.) и рассматривается всегда в единстве с конкретной ситуацией: «отдельные слова и выражения не могут быть предметом вербальных

правонарушений» [22, с. 9], ибо «отдельное слово, взятое из словаря, если оно не соотнесено с действительностью – это просто слово, единица языка» [22, с. 9]. Обязательно необходим учет ситуации, включающей в себя не только время и пространство, но и цели, мотивы, канал связи и ряд других менее значимых параметров, которые должны анализироваться с учетом национального законодательства.

Судебная лингвистическая экспертиза проводится с применением проверяемых процедур выявления признаков преступлений. В последние десятилетия появился целый ряд подходов и методологий проведения лингвистических экспертиз (см. труды А. Н. Баранова, Е. И. Галяшиной, М. В. Горбаневского, А. Г. Антонова, К. И. Бринева, Г. В. Кусова, М. А. Осадчего, И. А. Стернина и др.). Одним из наиболее удачных методологических подходов следует признать параметризацию, верифицированную на материале российского законодательства и предложенную М. А. Осадчим в его работе «Русский язык на грани права».

Лингвоэкспертология – в основе своей прикладная дисциплина. Она занимается выявлением признаков правонарушения, зафиксированных в тексте. Для решения данных задач может быть составлен речевой портрет потенциального преступника (подозреваемого), который в конечном счете поможет обнаружить его. Как видим, лингвистическая экспертология – интегративная дисциплина, она использует знания из различных наук: от философии и психологии до физики и химии, в компетенции которых лежит уточнение проведенных лингвистами почерковедческих экспертиз, кроме того, она использует общую для ряда наук методологию (параметризация, триангуляция) и т. д. Таким образом, это наиболее интегративная область юридического дискурса.

Особый интерес в последние годы вызывает проблемное поле правового речеведения, занимающегося изучением вопросов лингвоправовой конфликтологии [15; 23; 24]: не только самого факта конфликтной коммуникации, но и причин его возникновения [25], возможности нивелирования и др., что требует обращения к философским направлениям [26] (этика, аксиология), культурологии и истории (межкультурное и межнациональное взаимодействие), социологии.

Заключение

Сейчас появилось довольно много интегративных направлений, в которых объединяются знания, методы и результаты ряда наук. К таковым относится юридический дискурс и юридическая лингвистика. Причем последняя способна объединить в себе результаты разных наук, разных областей знания об одном – о роли языка в оформлении и функционировании правовых текстов (в широком смысле), т. е. о взаимодействии языка и права.

В статье впервые был обозначен набор текстов, из совокупности которых состоит юридический дискурс, – это тексты законов, указов, научной литературы на юридические темы, другие правовые документы, судебные тексты,

тексты допросов, адвокатские речи, экспертные заключения и другие аналогичные тексты. Мы склонны выделять следующие категории-характеристики данного дискурса: чаще всего юридические тексты выражены в письменной форме; имеют ясную структурную оформленность, т. е. довольно четкое деление текстов на отдельные статьи, в форме которых оформляются законы; они имеют смысловую завершенность, логичность и последовательность изложения, тематическое и стилистическое единство. При этом тематика юридического дискурса довольно ограничена: государство, право, преступление, наказание, вина, ответственность, судимость, экстремизм и др. Установлено, что юридический дискурс обладает следующими характеристиками: 1) консервативность, т. е. относительная стабильность юридического дискурса; 2) преимущественно письменная форма, абстрактность и нейтральность языка, а с другой стороны – конкретность, свидетельствующая о том, что юридический дискурс существует в реальном правовом пространстве и времени; 3) системность – все элементы юридического дискурса объединены в систему, которой присуще тематическое и стилистическое единство; 4) смысловая завершенность, логичность и последователь-

ность изложения, 5) целостность – юридический дискурс воспринимается как единое целое.

Юрислингвистика предлагается на роль обобщающей дисциплины для исследования взаимодействия языка и права. И хотя у юридического дискурса и юридической лингвистики (с ее составляющими) – разные предметы и задачи исследования, но объект один – взаимодействие языка и права, что и позволяет их объединить. Юрислингвистика – интегративная наука, сложившаяся при взаимодействии усилий и интересов лингвистики и теории права, но при этом в ней широко используются научные достижения целого ряда наук – философии, психологии, социологии, этики, лингвокогнитологии, прагмалингвистики, лингвоконфликтологии и др., а для лингвоэкспертологии – данные физики для подкрепившейся экспертизы и т. д. Кроме того, для решения ряда проблем юридической лингвистики необходимо привлекать социокультурные данные об уровне правовой грамотности языковой личности, о роли национального языка в этом процессе и т. д.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Яз. рус. культуры, 1999. 895 с.
2. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. 656 с.
3. Маслова В. А. Концептуальные основы современной лингвистики. М.: Флинта, 2019. 328 с.
4. Борботько В. Г. Принципы формирования дискурса. От психолингвистики к лингвосинергетике. М.: URSS, 2011. 286 с.
5. Плеханова Т. Ф. Дискурс-анализ текста. Мн.: ТетраСистемс, 2011. 369 с.
6. Сидоров Е. В. Онтология дискурса. 2-е изд. М.: URSS, 2009. 232 с.
7. Шлепнев Д. Н. Юридический перевод, юридический текст, юридический дискурс: к вопросу об определении // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12-2. С. 174–177.
8. Архипов С. И. Понятие правовой коммуникации // Российский юридический журнал. 2008. № 6. С. 7–17.
9. Лавицкий А. А. Категория закона в ментальных представлениях белорусов и русских: от слова божьего к национальным традициям и правовому нигилизму // Би-, поли-, транслингвизм и языковое образование: мат-лы V Междунар. науч.-практ. конф. под эгидой МАПРЯЛ. (Москва, 6–7 декабря 2019 г.) М.: РУДН, 2019. С. 85–92.
10. Лившиц Р. З. Теория права. М.: БЕК, 1994. 224 с.
11. Губаева Т. В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. М.: Норма, 2004. 160 с.
12. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
13. Осадчий М. А. Русский язык в судебном процессе. М.: ЛЕНАНД, 2020. 256 с.
14. Лавицкий А. А. Русскоязычный правовой дискурс: правонарушение, совершаемое вербальным способом // Русистика. 2019. Т. 17. № 3. С. 300–314. DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-3-300-314
15. Осадчий М. А. Русский язык на грани права. Функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи. М.: ЛИБРОКОМ, 2016. 256 с.
16. Поляков А. В. Нормативность правовой коммуникации // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2011. № 5. С. 27–45.
17. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева. 3-е изд., доп. и перераб. М.: ИНФРА-М, 2007. 858 с.
18. Голев Н. Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юрислингвистика. 1999. № 1. С. 12–59.
19. Лебедева Н. Б. О метаязыковом сознании юристов и предмете юрислингвистики // Юрислингвистика. 2000. № 2. С. 50–64.
20. Александров А. С. Введение в судебную лингвистику. Н. Новгород: Нижегород. правовая акад., 2003. 420 с.

21. Голев Н. Д. Правовое регулирование речевых конфликтов и юрислингвистическая экспертиза конфликтогенных текстов // Правовая реформа в Российской Федерации: общетеоретические и исторические аспекты / под ред. В. Я. Музюкина, В. В. Сорокина. Барнаул: АлтГУ, 2002. С. 110–123.
22. Осадчий М. А. Правовой самоконтроль оратора. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. 320 с.
23. Бринев К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Барнаул: АлтГПА, 2009. 252 с.
24. Осадчий М. А. Судебно-лингвистическая параметризация вербальной угрозы // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6. Режим доступа: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7633> (дата обращения: 23.01.2020).
25. Палашевская И. В. Судебный дискурс: функции, структура, нарративность. Волгоград: Парадигма, 2012. 346 с.
26. Фуко М. Назидать и наказывать: Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем, 2019. 384 с.

original article

Legal Discourse as a Multi-Dimensional Integrated Phenomenon and Legal Linguistics as a Syncretic Science

Alexander L. Dedinkin

Vitebsk branch of International Institute for Labor and Social Relations, Vitebsk, Republic of Belarus
alexanderdedinkin@yandex.by

Received 19 Feb 2021. Accepted 29 Mar 2021.

Abstract: The article introduces legal discourse as part of a complex communicative activity. It is an integrative interdisciplinary phenomenon on the border of jurisprudence and linguistics. The research objective was to establish the constituent parts of legal discourse, which includes legal texts, related scientific literature, and other documents. Legal linguistics is a generalizing discipline that studies the interaction of language and law. The line between legal discourse and other discourses is hard to define. Legal discourse is characterized by unified subjects, procedures, circumstances, and impersonality, that is, the absence of recipient and sender, hence the abundance of impersonal verb forms and impersonal constructions. Legal texts are devoid of national marks, and the vocabulary has equivalents in other languages. The present research was the first to designate a set of texts that make up legal discourse, i.e. texts of laws, decrees, scientific literature on legal matters, various legal documents, judicial texts, texts of interrogations, court speeches, expert opinion, etc. Although legal discourse and legal linguistics have different subjects and tasks, they share the same object, i.e. the interaction of language and law. Legal linguistics is an integrative science based on linguistics and legal theory, which uses achievements of philosophy, psychology, sociology, ethics, cognitive linguistics, pragmalinguistics, linguistic conflictology, etc.

Keywords: integrity, legal communication, linguistic expertise, legal speech, legal language

Citation: Dedinkin A. L. Legal Discourse as a Multi-Dimensional Integrated Phenomenon and Legal Linguistics as a Syncretic Science. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(1): 220–228. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-220-228>

Conflicting interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Aroutiounova N. D. *Human language and world*, 2nd ed. Moscow: Iaz. rus. kultury, 1999, 895. (In Russ.)
2. Sapir E. *Selected works on linguistics and cultural studies*. Moscow: Progress, 1993, 656. (In Russ.)
3. Maslova V. A. *Conceptual foundations of modern linguistics*. Moscow: Flinta, 2019, 328. (In Russ.)
4. Borbotko V. G. *Discourse formation principles. From psycholinguistics to linguasynesetics*. Moscow: URSS, 2011, 286. (In Russ.)
5. Plekhanova T. F. *Discourse analysis of the text*. Minsk: TetraSystems, 2011, 369. (In Russ.)
6. Sidorov E. V. *Ontology of discourse*, 2nd ed. Moscow: URSS, 2009, 232. (In Russ.)
7. Shlepnev D. N. Legal translation, legal text, legal discourse: on definition. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2017, (12-2): 174–177. (In Russ.)
8. Arkhipov S. I. Conception of the legal communication. *Russian Juridical Journal*, 2008, (6): 7–17. (In Russ.)

9. Lavitski A. A. The category of law in the mental representations of Belarusians and Russians: from the word of God to national traditions and legal nihilism. *Bi-, poly-, translanguism and language education*: Proc. V Intern. Sci.-Prac. Conf. under the auspices of International Association of Teachers of Russian Language and Literature, Moscow, 6–7 Dec 2019. Moscow: RUDN, 2019, 85–92. (In Russ.)
10. Livshits R. Z. *Theory of law*. Moscow: BEK, 1994, 224. (In Russ.)
11. Gubaeva T. V. *Language and law. The art of word control in professional legal practice*. Moscow: Norma, 2004, 160. (In Russ.)
12. Aroutiounova N. D. *Types of language values. Assessment. Event. Fact*. Moscow: Nauka, 1988, 341. (In Russ.)
13. Osadchy M. A. *The Russian language at court*. Moscow: LENAND, 2020, 256. (In Russ.)
14. Lavitski A. A. The Russian language legal discourse: offences committed verbally. *Russian Language Studies*, 2019, 17(3): 300–314. (In Russ.) DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-3-300-314
15. Osadchy M. A. *The Russian language on the verge of law. Functioning of the modern Russian language in the conditions of legal regulation of speech*. Moscow: LIBROKOM, 2016, 256. (In Russ.)
16. Polyakov A. V. Normativity of legal communication. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie*, 2011, (5): 27–45. (In Russ.)
17. *Large legal dictionary*, ed. Sukharev A. Ia., 3rd ed. Moscow: INFRA-M; 2007, 858. (In Russ.)
18. Golev N. D. Legal aspect of language in linguistic coverage. *Legal Linguistics*, 1999, (1): 11–58. (In Russ.)
19. Lebedeva N. B. About the metalanguage consciousness of lawyers and the subject of jurisprudence. *Legal Linguistics*, 2000, (2): 50–64. (In Russ.)
20. Aleksandrov A. S. *An introduction to forensic linguistics*. Nizhny Novgorod: Nizhegor. pravovaia akad., 2003, 420. (In Russ.)
21. Golev N. D. Legal regulation of speech conflicts and legal linguistic expertise of conflictogenic texts. *Legal reform in the Russian Federation: general theoretical and historical aspects*, eds. Muziukin V. Ia., Sorokin V. V. Barnaul: AltGU, 2002, 110–123. (In Russ.)
22. Osadchy M. A. *Legal self-control of the speaker*. Moscow: Alpina Bisnes Buks, 2007, 320. (In Russ.)
23. Brinev K. I. *Theoretical linguistics and forensic linguistic expertise*. Barnaul: AltGPA, 2009, 252. (In Russ.)
24. Osadchy M. A. Parametrizations of verbal threat in forensic linguistics aspect. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*, 2012, (6). Available at: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7633> (accessed 23 Jan 2020). (In Russ.)
25. Palashevskaya I. V. *Legal discourse: function, structure, and narrative*. Volgograd: Paradigma, 2012, 346. (In Russ.)
26. Foucault M. *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. Moscow: Ad Marginem, 2019, 384. (In Russ.)